

● ДОКУМЕНТАЛЬНЫЙ ОЧЕРК

СЛОМАННЫЕ СУДЬБЫ

Г. С. АНДРЕЕВ.

Теперь о судьбе «главаря», основного руководителя «контрреволюционной» организации «Голос из глубины души» Сляймана Мазитова. Биографические данные о нем уже приводились.

Отец Сляймана Махамет Мирзянович занимался сельским хозяйством, а в сезоны — охотой. А также

кастрацией животных. Отец сразу после организации вступил в колхоз им. Свердлова. Сляйман в 1941 году окончил Парабельскую среднюю школу. В 1930 году раскулачен дядя. В 1937 году арестован и осужден второй дядя на 10 лет. Для обвинителей данные — самые те-

С. Мазитов.
(Фото 1939 года).

О СНОВОЙ этой главы явилось письмо Сляймана Махаметовича Мазитова комиссии ЦК КПСС по реабилитации жертв сталинских репрессий. Публикую это письмо, перебивая его своими комментариями и рассказами тех, кто знал Сляймана.

С. Мазитов: «В 1941 году по рекомендации районкомата поступил работать инспектором Парабельского райбюро. В декабре 1941-го райотдел НКВД направил меня во главе бойцов всеобща в тайгу на выявление дезертиров. В отряде была молодежь, в основном девяти- и десятиклассники. При сорокаградусных морозах ночевали под открытым небом, но с заданием по прочтению тайги, с выслезанием всех, кто стоял на гусыне, мы справились и в феврале 1942 года вернулись домой».

Г. И. Перемитин, бывший инструктор Парабельского райкома ВКП(б) по кадрам: «Я был в этом отряде. Помнится, в тайгу отправлено 17 человек. Гоняли безлесов, дезертировавших из Красной Армии. Трех поймали. Задание выполнил успешно. Как прозвал себя Сляйман? Это был беловский отличный смелый парень. Как он прижал, скажу! — одного из белковцев! Нет, не мог так вдруг стать врагом, не мог... И все это дело фальсифицировали!»

С. Мазитов: «С выходом из тайги я продолжал работу в райбюро и на всеобщее. Весной 1942 года районкомат направил меня в Чиряпский сельсовет для проведения мобилизации. Несмотря на разлив Оби, с заданием справился своевременно. Я принимал участие в районном агитколлективе «Огонь по врагу». Играл в духовом оркестре (староста духачей с 7 классов), пел, плясал. Начиная с восьмого класса, когда школьная самостоятельность выезжала в какой-либо сельсовет с концертами, всегда избирали меня старшим, а дирекция школы назначала ответственным за проведение мероприятий. Так было и по окончании

десятого класса. Агитколлектив «Огонь по врагу» в основном был образован из участника школьной самодеятельности. Почти ни одно выступление агитколлектива не проходило без моего участия».

Автор: «Да, Сляймана я помню живым, веселым, добрым. Учился он классом ниже. Отлично плясал, пел, играл в духовом оркестре. Я руководил в то время струнным, участвовал в драмкружке при райклубе. Так что пути наши часто пересекались. Не скажу, что дружили, но товарищами были неплохими. А какая чистая, нежная дружба связывала его с Надеей Серяковой! Мы любовались ими».

Г. ВАРДЕЙЦАМИ звали парни Сляймана, Абу-ма Фаткулина и Вальку Цыганова. Рослые, крепкие. Судьба распорядилась по-своему. Вардейцем стал лишь Валька — словом, Сляймани и Абууму выпала другая судьба».

С. Мазитов: «В ноябре 1942 года около четырех часов дня, когда я собирался с агитбригадой ехать в с. Белка, как инспектор райбюро, меня арестовали. Около года велось следствие, вначале в Парабели, а потом в Нарыском округе НКВД в гор. Коллашево».

В сентябре 1943 года нас, восьмерых человек, судил закрытый округ. Защитников у нас не было. Начальник следственного отдела капитан Сергеев взял с меня подписку, что от защитника я отказываюсь, буду защищаться сам. Судом мы были признаны виновными в преступлениях таких-то и таких-то. Капитан Сергеев по окончании следствия сказал мне: «Знаешь, Сляйман, была бы моя воля, сиял бы твой широкий ремешок, а с тебя штаны, выпорол бы и отправил на фронт».

Но... Прокурор-женщина, фамилии не помню, просила суд дать мне десять лет и отправить на фронт, а судья дал мне «вышка». Почему? На суде он назвал меня гидрой контрреволюции. Я сказал, что он сам такой, и рассказал, как он со склада Нарыского лес-

прохоза взял ящик спичечного печенья из строго лимитированных госфондов. Он приехал в Нарым судить прогильщиков леспрохоза. Я тогда был в Нарыском леспрохозе как инспектор райбюро для помощи семьям фронтовиков. Когда я напомнил Скрябину этот случай, он вскрипел.

ПОСЛЕ суда я шестьдесят суток просидел в камере смертников. Смертную казнь мне заменили десятью годами лишения свободы. И с лишением прав на 5 лет. В начале срока меня этапировали в томскую тюрьму, потом в лагерь «Чекет», где я работал на гидравлическом испытании минных корпусов. После окончания войны перевезли в Асиновский район, там я работал на лесозаводе.

В конце 1948 года перевели в Степлаг, первое лагерьное отделение, которое находилось на руднике Джезказган Карагандинской области, где я работал в шахтах. 8 ноября 1952 года я был освобожден из лагеря в связи с окончанием срока и оставлен в Джезказгане на вечное поселение. Не знаю почему, ведь судом такого наказания не назначалось.

Я имел право свободного передвижения в радиусе семи километров. Дальше считался побег. Об этом я расписался в первый день прикрепления к командатуре. Каждые десять дней обязан был приходить в командатуру.

С выходом из лагеря устроился работать на шахту, работал только в ночную смену. Днем ходил на курсы горных мастеров, которые окончил, и получил право на ведение горных работ начальником участка.

В конце 1956 года с меня сняли ограничение в передвижении и выдали паспорт. К этому времени я был женат, имел сына, квартиру, работал начальником участка. Поэтому никакая из Джезказгана не уехала.

В 1971 году умерла жена, в 1973-м женился вторично. С этой женой живу и сейчас. У нас общих детей не было. Поэтому в январе 1978 года, уже будучи на пенсии по возрасту, мы взяли в детдоме сирота — трех братьев на воспитание, т. е. на опеку. Когда стали просить пособие на их содержание, нас обвинили в корысти и хотели вернуть детей в детдом. Мы вынуждены были срочно уехать из Джезказгана в Нурабад Самаркандской области, где живет моя сестра. Сейчас все эти дети учатся в Москве в ГПИУ на метростроителей. Старшим близнецом в этом году я в армию.

5. СЛЯЙМАН МАЗИТОВ

ТЕПЕРЬ подробнее о преступлении. Весной 1942 года немцы, как известно, начали наступление и подошли к Сталинграду. В то время все, то есть привлеченные по делу, кроме Попова, в своем кругу рассуждали, что, если немцы возьмут Сталинград, отрежут страну и армию от нефти, тогда победа немцев станет возможной. Такое сознание глубоко тревожило и угнетало нас. Надо сказать, что в разговор на эту тему каждый из нас входил из своих внутренних побуждений.

И всегда доверительно, как это бывает между людьми, давно знающими друг друга, то есть без всякого называния своих мыслей с одной-либо стороны. И весь разговор сводился к одному: как быть, если немцы возьмут Сталинград? Сейчас не помню, кто именно предложил, но мы тогда решили, что при взятии Сталинграда нам надо будет уйти в тайгу. А потом уже организоваться самим, организовать других для того, чтобы вместе с другими народами, находящимися под пятой фашизма, взорвать фашизм изнутри.

Было придумано название организации «Голос из глубины души». В случае, если придется уйти в тайгу, то командиром должен быть я, заместителем Морозов, он был моим заместителем, когда мы ходили в тайгу на дезертиров. В политические руководители определили Нестерова.

Было это, как мне помнится, в конце апреля 1942 года. В мае мы часто обсуждали положение на фронтах. Нам тогда казалось, что не сегодня, так завтра Сталинград падет. Прошел май, а Сталинград держался, прошел июнь, а Сталинград стоял.

К нам стали поступать инвазивные войны. Не только жители нашего района, но и из оккупированных немцами территорий. Я, как инспектор райбюро, первым их встречал, устраивал на квартиры, на работу, на пенсию, участвовал в комиссии (я был членом ВТЭК). Именно эти люди несли в глубь Сибири правду о войне. Были среди них и пессимисты, но большинство верило в победу. В июне мы стали понимать, а в июле-августе стали верить, что Сталинград устоит.

Это меняло наше дальнейшее поведение. Мы меньше и меньше стали обсуждать положение на фронте, а прежние апрельско-майские позиции шатались, и мы стали забывать об уходе в тайгу.

ЛЕТОМ 1942 года кое-кого из нашего круга взяли в армию. Это Ляхма на Бронислава, Воропаева

и Морозова. Правда, на следствии я узнал, что все они были взяты в армию после дачи на нас показаний. К осени 1942 года Нестерова перевели работать в Васюганский райнархоз. Арестовали Костарева за хулиганство. Ко времени моего ареста нас в Парабели оставалось три-четыре человека. Организация была мертва и физически и морально.

Но следователи решили возродить нашу организацию, придавая ей совершенно другую цель. С первых дней после ареста меня стали принуждать к признанию подготовки вооруженного восстания.

Самую идею подготовки восстания, как я понял в ходе следствия, первым признал Попов, который никогда не был человеком нашего круга и был старше нас на четыре-пять лет. Лишь я с ним до ареста случайно встречался только один раз в кино. Тогда он, как мне помнится, завед какой-то разговор о Гарибальди. При нашей очной ставке измененный Попов доказывал, что он договаривался со мной о получении в Парабели из Кемерово или Новосибирска ящика с винтовками.

Следователи избивали меня, добиваясь признания этого договора. Я не признавал этого договора, и это обвинение мне не могли «принять».

Потом пошли очные ставки с другими ребятами. Все они признали подготовку вооруженного восстания. Но никто из них не мог мне сказать, в чем заключалась эта подготовка. Затем следователи «доработали» этот пробел. И Иннокентий Костарев на очной ставке так и сказал: «Признавайся, Сляйман. Все признали, и тебя заставят».

СЛЕДОВАТЕЛИ добились своего, я вынужден был признать подготовку вооруженного восстания. Потом следователи требовали признания, что я хотел в Парабели установить профашистскую диктатуру.

Это мнение постепенно отпало, и следователи стали добиваться признания, что мы в Парабели хотели установить буржуазно-демократическую власть. На одном из допросов я спросил у следователя Шипулина: «А вы уверены, что буржуазно-демократическая власть лучше советской?». «Нет», — быстро ответил он. — «С чего ты взял?». «И я думаю», — сказал я, — «что Советская власть лучше буржуазной, непонятно, зачем вы требуете, чтобы я в Парабели устанавливал буржуазную власть?»

Шипулин взорвался и отлучил меня. Это он делал, причем это всегда у

него получалось, как бы нехотел, словно я его принуждал».

Автор: «В управлении КГБ СССР по Томской области имеются сведения о том, что один из следователей Парабельского райотдела НКВД 28 мая 1948 года осужден к семи годам лишения свободы за применение незаконных методов ведения следствия.

Это какие же методы надо было применить, чтобы в 1948 году их посчитали незаконными!».

С. Мазитов: «В конце концов, я и признал, что в Парабели мы хотели установить буржуазную власть. Вместе с этим от меня добивались признания, что с захватом власти в Парабели я хотел казнить всех коммунистов без следствия и суда. Но этого следователям никто не подтвердил. Меня обвинили только в том, что я хотел использовать коммунистов на тяжелых физических работах».

Я описал самые тяжелые пункты обвинения, которые не могу забыть. Но еще раз повторю: ни о каких переворотах мы не помышляли и никогда не задумывались о казни коммунистов. Мы твердо знали, что Сталин и коммунисты — истинные борцы за народное благополучие».

ДА И В КОЛХОЗАХ в предвоенные годы жизнь значительно улучшилась. Даже у крестьянских ребят появились приличные костюмы из тонкой шерсти. Утром 22 июня 1941 года наш колхоз выезжал на массовое гуляние на крапивоных упряжках, с гармошками и песнями, чего раньше не бывало. Мы, крестьянские ребята, получили 8-10-летнее образование, стали районными работниками. У нас не было оснований считать себя недовольными Советской властью. Когда я об этом сказал как-то следователю Шипулину, он ответил: «А вы выродки среди советских людей, вот и выступили против своей власти».

Я говорил следователям о том, что я всегда добросовестно выполнял свои обязанности, все задания военкомата, активно участвовал в агитколлективе. «А мы знаем об этом», — говорили мне, — «это ты делал, чтобы скрыть свою контрреволюционную деятельность».

Кроме описанных выше обвинений, были и другие. Конкретно они сводятся к тому, что я хаял нашу действительность, говорил, что семья фронтовиков материально живут плохо, голодают. Без констатации таких фактов я как инспектор, однако, не мог добиться оказания помощи нуждающимся семьям.

(Окончание на 4-ой стр.)

СЛОМАННЫЕ СУДЬБЫ

(Окончание.)

Начало на 3-ей стр.)

В декабре 1961 года меня вызвали в Дзезказганское отделение милиции. Вызвавшие два офицера приехали из Москвы и спросили, не считаю ли я, что меня обвинили и осудили необоснованно? Я посчитал это за провокацию: «Что значит необоснованно, если все свои деяния я признал сам и есть заключительное обвинение?» Я тогда сказал, что меня осудили правильно. И москвичи уехали».

Автор: «Здесь, видимо, основную роль сыграло со-

общение москвичей, что якобы А. Фаткулин подтвердил старые показания. Однако как было знать Сляйману, подтвердили или нет? И все же дух товарищества сыграл свою роль, хотя и мелькала мысль — может, попытаться оспорить частично обвинения».

А смысл? Наказание-то отбыл. Да и как представил себе новые допросы, очные ставки...».

Мазитов: «Последние события показали, что комиссия по пересмотру таких дел исходит не только из старых признаний репрес-

сированных, показаний свидетелей, но и из реальной сути дела, возможности репрессированных к осуществлению преступления. Поэтому я решил написать это письмо».

Уважаемые члены комиссии! Да, мы пытались создать организацию, но она не имела цели свержения Советской власти, мы пытались ее организовать на случай победы фашистов для борьбы с ними. Но победа фашистов не состоялась, не состоялась и наша организация. Поэтому про-

шу снять с нас те нелепые обвинения, которые были возможны в период культа Сталина. Помогите остаться под старость лет, кем я был и есть».

Сляйман Мазитов,

704246, Самаркандская область, гор. Нурабад, ул. Геологов, 7-11.

Январь 1989 года».

И вот восторжествовала правда. Полная реабилитация. Многие не дожили до этого счастливого дня. Пусть же жизнь оставшихся в живых «контрреволюционеров» будет спокойной и счастливой. Они ее заслужили.